

ПРЕДЛОЖЕНИЕ сыграть роль Алины Силикашвили в пьесе Михаила Шатрова «Лощадь Пржевальского» было для Наташи Дмитриевой неожиданным. Слушая пьесу на читке, она потихоньку примерялась к Татьяне, а тут вдруг Силик... Конечно, каждая актриса мечтает получить так здорово написанную роль. На редкость цельная и сильная натура и при этом совершенная девчонка со своими девчачьими заскоками и слабостями. Интересно такую сыграть. Пожалуй, только по внешним актерским данным она — не Алина. Наташа читала пьесу, и воображение рисовало ей очень большую, толстую и некрасивую девушку, которая для ребят — «свой парень» и по характеру — «одна сплошная душа» («Ну, знаете, бывают такие люди, посмотришь на них и скажешь — одна сплошная душа»). Эта Алина плохо соединялась с ее собственной хрупкой фигуркой, и понадобилось определенное усилие, чтобы преодолеть барьер воображения и заново слепить внешность своего Силика. Угловатую, тонкую, некрасиво-обаятельную девчонку в джинсах с вихрастой мальчишеской прической и прорисовать ее человеческую «особинку» минимальными, но точными штрихами. Грузинский акцент. Острый, озорной, по-

С В Ы С О К И М «Порогом боли»...

рой делающийся беспощадно саркастическим ум. Негромкую, не давящую на людей, но оттого, может быть, особенно убедительную силу выявления ее позиции, ее суждений. Взрывы чисто кавказского темперамента в Силике Наташи Дмитриевой минимальны. И они случаются в самые сложные для нее минуты. В споре с Алешей, когда она решительно не понимает, почему он позволяет командиру разрушать отрядную коммуны. В палатке в минуту слабости, когда ей кажется, что рушится весь мир, раз ребята, ее друзья, с которыми она вместе мечтала о лете, о коммуне, предали свои идеи и пошли на поводу у любителей «пяти кусков». Тогда грохают об пол и разлетаются в разные стороны жестяные миски в столовой. Тогда срывающимся, полным слез голосом, совсем по-детски Силик, как единственную и последнюю защиту, выкрикивает песню: «Я все равно паду на той, на той далекой, на гражданской». Выкрикивает свой девиз, свое жизненное кредо.

Герцен говорил, что у каждого художника есть свой человеческий и гражданский «порог боли», который определяет крут идей и мыслей, дорогих и важных для художника в его творчестве. Но это, пожалуй, верно и по отношению к любому человеку тоже, и высотой порога боли измеряется все, что представляет собой человек как личность — его гражданский, нравственный идеал, которым он проверяет свои поступки каждодневно. Вот если этой мерой измерить Алину Силикашвили Наташи Дмитриевой, то перед нами предстанет человек с высочайшим порогом боли, сосредоточенным на гражданском идеале. Эта «одна, но пламенная страсть» определенным образом выстраивает для Алины окружающий мир и все отношения с людьми, вплоть до самых личных. Ведь и любовь к Алеше Нестерову — это любовь, возникающая из ощущения родства душ, общности взглядов, отношения к жизни.

Сложная конфликтная ситуация возникает в студенческом отряде, работающем в далеком целинном совхозе. Жизнь коммуной, которую воображение ребят рисовало в романтическом и радужном ореоле, оторванном от реальной действительности, оказалась совсем не такой облегченно-воздушной и праздничной. Оказалось, что провозгласить коммуны и делить поровну деньги — еще не значит жить по-коммунистически. Оказалось, что идеалы коммуны надо отстаивать прежде всего в самих себе в повседневной жизни, которая ежедневно ставила каждого из членов отряда перед дилеммой: сохранить верность идеалу и делать дело чистыми руками или пойти на нравственную сделку ради заработка, ради ложно понятой отрядной славы. В этой сложнейшей ситуации Силик всегда остается нравственным компасом отряда.

Деликатная и чуткая, умеющая понять без осуждения самые запутанные человеческие отношения, она становится

жесткой, когда речь идет о принципах. Ее невозможно обмануть демагогическими фразами. Суть взаимоотношений ребят и командира, постепенно сложившихся в отряде, она точно и бесстрашно определяет своим плакатом — своеобразной отрядной газетой: «молнией»: «Если он бог, то ты у — бог». И так же требовательно она к себе. Нарушила в минуту слабости «сухой закон», выпила с Маришкой бутылку шампанского, которую специально везла, чтобы разбить о стену построенной студентами школы, — и признание на комсомольском собрании, и сама себе определяет самое суровое наказание — исключение из отряда.

Неистребимая жажда цельности и бескомпромиссности живет в этой вихрастой девочке. Каких бы сторон жизни это ни касалось. Если коммуна, общество человеческого единства и справедливости, то полный отказ в себе от мелких эгоистических побуждений ради идеи. Отдавать идеи все. Если понадобится — и жизнь. Если это любовь, то чистая и глубокая, не запачканная ложью и лучше всего одна-единственная. Недаром же Силик вспоминает соседку, потерявшую на войне мужа и хранящую ему верность всю жизнь.

В таких девочках, как в фокусе, собираются лучшие черты нынешнего молодого поколения, поколения, не знавшего революции, войн, лишений, но хранящего наши самые светлые идеалы, идеалы бойцов революции, строителей первых пятилеток, мальчиков и девочек, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной. Такие девочки рождаются на свет с потребностью верности этим идеалам. Следование им — такая же естественная необходимость для них, как естественно человеку дышать. И в этом смысл подлинной романтики для нынешних двадцатилетних. Романтики не очень-то заметной в дни благополучия и спокойствия. Но верность ей достигается не менее трудно, чем в дни самых суровых испытаний.

В спектакле «С любимыми не расставайтесь» по пьесе Александра Володина Наташа Дмитриева играет Ирину. Силик и Ирина — очень разные люди. Но при всем несхостве есть одна черта, роднящая их, — потребность в человеческой цельности. И если в Силике она проявляется в гражданских спорах и конфликтах, то для Ирины — это сфера самых тонких и интимных человеческих чувств — любовь. Наверное, многим памятна дискуссия «Литературной газеты» о семье и браке. В ней принимал участие драматург Александр Володин. И в статье своей размышлял и пытался понять, почему иногда случается, что умные и тонкие женщины остаются одиночками в жизни. Вот героиня Наташи Дмитриевой вызывает ассоциации именно с этим выступлением драматурга.

Ирина, сыгранная актрисой, в какой-то степени пленница собственного максимализма, потому что при самой высокой

требовательности к любви не умеет соединить эту требовательность с жизнью. Она очень одинока. И сама хорошо понимает это. Мите говорит: «Я не умная, я одинокая!» Это одиночество — тяжелое бремя, и встреча с Митей, может быть, — вторая, третья попытка в ее жизни обрести любовь и взаимопонимание. Она придумывает Митю и свою любовь к нему, сначала искренне верит в придуманное. Но, право же, наедине с собой, в мире собственного воображения, в одиноком хождении по улице, в ожидании звонка ей намного лучше с придуманным Митей, чем с живым, реальным человеком. Вот она дарит ему радостную, влюбленную улыбку при встрече, но это лишь первое мгновение. Почти сразу становится ясно: не случится для Ирины необыкновенной любви. Митя спрашивает, отчего она обратила внимание на него: ведь в компании, где они встретились, было столько инженеров с высшим образованием. Ирина отвечает: «Они ж наполовину дураки, неинтересно». Скоро-скоро она теряет интерес к Мите. И сколько бы она ни разговаривала о своей любви, сколько бы ни уговаривала сама себя, трезвость наступает быстро. Трезвость и чувство усталости, надомленности.

«С любимыми не расставайтесь» — написал в заголовке пьесы Александр Володин. Вот этого умения — не расставаться с любимыми — нет у Ирины Наташи Дмитриевой. Она встречается с Митей, прощается с Митей, она мучается, страдает, нервно вскидываются вверх тело, голова. Как будто пытается пробиться сквозь потолок клетки, в которой она живет. И не может вырваться на свободу...

* * *

Вся актерская судьба Наташи Дмитриевой связана с Ленинградским театром им. Ленинского комсомола. Только год после окончания Ленинградского института театра, музыки и кино она проработала в академическом театре им. А. С. Пушкина. Потом пришла сюда. И четыре года работает здесь.

Сыграны разные роли. Со всем маленькими, эпизодическими, и большими. Но какие бы роли она ни играла, во всех спектаклях, показанных ленинградцами в Горьком, просматривается одно чрезвычайно драгоценное качество актрисы — предельная собранность, полная актерская самоотдача на сцене.

Калейдоскоп образов в «Зримой песне» — как ряд эскизов, показывающих творческие возможности актрисы. Ирина и Силик — в какой-то степени осуществление этих возможностей, подступы к личной художественной теме в искусстве. Актерская судьба Дмитриевой только начинает складываться, складываться всерьез, по-настоящему. Пусть это будет судьба художника с высоким «порогом боли» — актерским, человеческим, гражданским.

Л. ЧУБАРОВА.